Колдовские Миры

Кира Измайлова

Алийское зеркало

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И37

Разработка серийного оформления *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Измайлова, Кира Алиевна.

И37 Алийское зеркало / Кира Измайлова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-04-089116-0

Верно говорят, ничего в жизни случайно не происходит. Казалось бы, что за надобность была ключнице Марион спасать алийского посланника, прибывшего в герцогский замок? Вроде никакой! Вот только оказалось, что было у него к ней дело, и очень важное. Касалось оно таинственного волшебного ключа, когда-то отданного алиями на хранение еще ее бабушке, а теперь вот понадобившегося назад. И кто теперь объяснит, почему ключ так важен и какую дверь он должен открыть или, наоборот, запереть? И правда ли, что раньше он принадлежал жадным и злобным феям, бежавшим из этого мира? А самое главное: сможет ли теперь Марион жить по-прежнему или однажды ей придется бросить всё и отправиться скитаться, спасая самое драгоценное, что только у нее есть на свете?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089116-0

© Измайлова К.А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Вам когда-нибудь доводилось видеть алия, пьяного до изумления? Мне вот раз довелось. Его великолепие еле-еле стояло на ногах, придерживаясь за стену, и не падало только потому, что никак не могло решить, в какую именно сторону ему рухнуть. Поскольку выбор был достаточно обширен, то оставалась надежда, что некоторое время алий еще удержится в вертикальном положении.

Я бы прошла мимо — не мое дело, что там господа вытворяют, — если бы дело происходило в другом месте. А так я удивилась — ну с чего это алия занесло в то крыло, где слуги обитают? Да еще в таком виде... Неужели перебрал настолько, что позабыл, куда шел, да и заплутал?

Я подошла поближе и осторожно спросила:

— Господин, все ли с вами хорошо?

На мои слова он никак не отреагировал, он вообще, похоже, меня не видел. Что ему совсем не хорошо — это любой дурак бы понял. Нет, разило от его великолепия, как из винной бочки, но вот глаза у него были трезвые. Глаза трезвые, а взгляд какой-то пустой и словно бы остановившийся, как бывает от сильной боли.

Тут уж мне стало не до шуток и не до раздумий. Что, если сиятельного гостя кто-то вздумал отравить? Желающих, думается мне, найдется немало!

Я в точности не знала, чего ради алии явились с визитом, не моего ума это дело. Однако слышала кое-что о договоре насчет торговли, а еще о подорожных пошлинах — их княжество ведь аккурат у нас под боком. А мало ли? Вдруг кому-то из соседей вовсе не хочется, чтобы товары шли через наши земли, вот и решили свинью нашему герцогу подложить. Известно, как алии не любят, когда люди их хоть как-то задевают, а если уж убить вздумают, да кого, посла!.. — дня не пройдет, как приграничные деревни заполыхают! Это дела алии долго обсуждают, чтобы ни единой тонкости не упустить, ни одной буковки в документе не перепутать (слыхала я, как наши придворные от их дотошности волками воют и ругаются на чем свет стоит), а вот на расправу куда как скоры...

Так вот, это все быстро у меня в голове пронеслось, а я тем временем уже действовала. Хорошо, до моей комнаты совсем недалеко было, иначе я это сиятельное великолепие ни за что в жизни бы туда не дотащила. Это только издали кажется, что алии хрупкие да тонкокостные и никогда ничего тяжелее флейты в руках не держали. На самом деле один такой за пару минут рукопашной положит десяток не самых последних бойцов из людей и навряд ли при этом запыхается: устраивали недавно их слуги потешные бои с герцогскими оруженосцами и подручными, я видела кое-что... А если у алия будет хоть самый завалященький кинжал, я уж молчу

о луке со стрелами... Словом, не стоит с ними связываться, опасный это народ!

Я девица не из слабеньких, однако ж еле-еле управилась. Алий оказался высоченным, вдобавок, утратив поддержку в виде прочной стены, завалился на меня всей тяжестью. Ну, мне не впервой пьяных господ до опочивален провожать, справилась и сейчас. Хорошо еще, по пути никто не попался, спали все давно, а кто не спал, тот вино господам разносил.

Что делать, я знала. Ядами в наших краях частенько балуются, поэтому даже самый распоследний слуга знает, как поступить, если вдруг его господин начинает хрипеть и валится на пол, пуская слюни... Понятно, против быстрых ядов ничего не поделаешь, а с чем-то попроще, вроде крысиной отравы, еще можно побороться. Что его великолепие именно этой гадостью траванули, я почти не сомневалась. Во-первых, он был еще жив, на человека (или алия, они куда живучее) крысиный яд не сразу действует. Во-вторых, от алия несло розовым вином с южных виноградников, а оно такое душистое и терпкое, что слабый запах и легкую горчинку отравы перебивает напрочь, стало быть, именно в вино яду и подсыпали. В-третьих, я уж сказала, от крысиного яда умирают долго и... некрасиво, словом. Разве для алиев хуже оскорбление придумаешь? Ладно бы еще ножом в бок пырнули, а то — крысиный яд! После агонии на покойничка смотреть страшно, с души воротит, а ведь алии считают, что смерть должна быть достойной. В общем, я не сомневалась, что обо всем догадалась верно.

Рассуждать-то я рассуждала, а тем временем дело делала. У меня все всегда под рукой, по-другому при моей должности нельзя. За кипятком на кухню самой пришлось бежать, а то пока дозовешься кого, уже ничего и не понадобится...

Вы когда-нибудь видели алия, которого выворачивает наизнанку? Я вот видела: зрелище малоаппетитное, а от человека в тот момент его великолепие абсолютно ничем не отличался. Я тем временем кой-каких травок заварила, как меня бабушка учила. Это зелье даже выглядит тошнотворно, от запаха и здорового воротит, а уж про вкус я и вовсе молчу... Зато отрезвляет моментально, да и от похмелья спасает лучше не надо (если, конечно, кто решится эту пакость выпить). Собственно, алию деваться некуда было: после того как тебя полчасика отчаянно тошнило, особенно не посопротивляешься, а я, повторюсь, девица крепкая, у меня еще никто не вырывался... Ну а поскольку я в отвар еще кой-чего добавила, то у его великолепия живо глаза закрылись.

Дышал он ровно, умирать не собирался... До утра, глядишь, оклемается, тогда пускай сам и решает, что делать да как быть! Правда, сомнительно, чтобы он хоть о чем-то вспомнил, ну а я стану твердить, мол, он просто упился до полного неприличия и свалился в коридоре. Не звать же было слуг на подмогу, чтобы тащить его великолепие через весь замок в его покои, устроив несусветный шум? Это ж для алия позор на всю оставшуюся жизнь, а поскольку живут они немало... Думаю, он меня еще и поблагодарит, и за молчание заплатит. Опять же и человеческий интерес соблюден: кто бы ни сыпа-

нул в вино крысиного яда, он желаемого не добился, стало быть, все останется по-прежнему и никакой беды не приключится. Вот и хорошо!

Я взглянула на спящего алия. Между прочим, спал он на моей кровати, так что мне предстояло коротать ночь в старом кресле. Хотя что там коротать, до утра всего ничего осталось! Господа к рассвету как раз улягутся (кто еще на ногах стоит), а у слуг самая работа начнется: прибраться, обед приготовить, да мало ли еще что... А я знай доглядывай, чтобы все делалось вовремя и как полагается, а то, случись что, кому отвечать придется? Правильно, старшей ключнице!

Мне эта должность от бабушки досталась. Кто-то нос сморщит и фыркнет, дескать, подумаешь, всего-навсего ключница, даже не горничная при герцогине и тем более не придворная дама... Однако кто, спрашивается, день за днем следит за порядком в замке, проверяет кладовые, составляет списки необходимого, отряжает слуг на работу, ругается с экономом и старшей поварихой? Снова я...

Бабушка моя, начинавшая всего-навсего младшей помощницей при тогдашнем ключнике, прижила моего отца от внебрачного сына тогдашнего герцога, чем всегда очень гордилась. Герцогский бастард, впрочем, вскоре пропал, и никто больше никогда его не видел и не слышал о нем. Ходили слухи, что к этому исчезновению приложил руку сам герцог: у него был лишь один законный сын, и тот еще совсем юный, вот старик и опасался, что резвый бастард возжелает избавиться от сводного братца и занять отцовское место. (Впоследствии, говорят, герцог признавал, что, может быть, оно

было бы и к лучшему.) Что на самом деле приключилось с моим дедом, неведомо: то ли просто отослали с глаз долой, то ли вовсе пустили в расход, теперь уж никто не скажет...

Отец же мой, не дождавшись, пока бабушка найдет ему подходящую супругу, может быть, даже не совсем из простых, затащил на сеновал красивую деревенскую девку... Так на свет появилась я. Отец же испарился, вероятно, убоявшись материнского гнева, и с тех пор его никто в нашем герцогстве не видел: должно быть, эта способность исчезать бесследно передавалась по мужской линии.

Бабушка сперва схватилась за голову, а потом забрала к себе мою мать со мною вместе. Однако мама в замке не прижилась: буйные забавы господ ее пугали, а в горничные она не годилась, поскольку представления не имела, как обращаться с дамскими платьями и прическами. В поварихи же или простую прислугу ей хода не было: бабушка не допустила бы, чтобы невестка старшей ключницы (к тому времени бабка уже заняла это место) горбатилась наравне с мелкой челядью. Вот поэтому мама вскоре отправилась обратно в деревню, где вскоре и вышла замуж — приданое за ней бабушка дала неплохое. Теперь у меня сводных братьев и сестер человек семь наберется.

Я же осталась при бабушке — она взялась воспитывать из меня достойную преемницу, и с самого раннего детства я была при ней: училась читать, писать и считать, запоминала, как ведется большое хозяйство, как искать недостачи, ловить нечистых на руку слуг, сберегать герцогское добро...

Я отвлеклась от воспоминаний и снова посмотрела на спящего алия. Сейчас в нем не сыскать было и капли знаменитой волшебной красоты. Лицо казалось бледным до зелени, глаза запали, даже нос заострился, перепутанные волосы промокли от пота и облепили виски. И не казались хваленые алийские локоны ни золотыми, ни серебряными: обычные светло-русые, пепельные даже, но в неверном свете лампы поди разбери... Должно быть, на солнце эти кудри и впрямь засверкают серебром! Если их отмыть, да.

Впрочем, недосуг мне было полумертвых алиев рассматривать. Я начала прибираться, а заодно размышляла, как все-таки поступить и что говорить алию, когда он очнется. Положим, байку про то, как я его в коридоре повстречала, я ему расскажу, но если он хоть что-нибудь помнит, то не поверит. И тогда либо решит промолчать, чтобы не поднимать скандала, либо... Чего доброго, меня в свидетельницы потянет, а это его светлость, герцога нашего разлюбезного, вовсе не порадует! Да и мне репутацию портить не с руки... Первая заповедь, что мне бабушка в голову вдолбила: старшая ключница про все и всех в замке должна знать, все видеть, все подмечать и принимать к сведению, но при этом помалкивать. Иначе какой от нее прок?

Я выпрямилась и взглянула в зеркало. Его бабушке подарила одна из дочерей старого герцога как раз за умение молчать: бабушка застала ее в весьма недвусмысленной ситуации с одним придворным, бедным, почти нищим, зато красивым и пылким. Это при том, что у девушки уже жених имелся, которого ей отец подыскал, немолодой и далеко не

красавец, зато весьма влиятельный вельможа, отношения с которым портить было не с руки. Бабушка и сделала вид, будто ослепла и оглохла, и никому и словечком не обмолвилась. (Мне вот только рассказала, да тогда уж ни того вельможи, ни старого герцога в живых не было, а любвеобильная девица давно внуков нянчила.) Вот откуда взялось это зеркало, по тем временам вещь редкая и дорогая, пускай и не слишком большая — поменьше обеденной тарелки, пожалуй... Однако и теперь такой чистоты стекло не враз отыщешь, а и отыщешь — стоить оно будет на вес золота, а то и побольше.

Из холодной глубины на меня взглянула суровая на вид статная темноволосая девица. От этой суровости да еще от строгого платья и гладкой прически кажусь я старше, чем есть на самом деле, зато придворные кавалеры не суют мне в руку золотые, приглашая лично прибраться у них в опочивальне. Пробовали раньше, конечно, только стоило мне глянуть в упор, эти галантные господа мигом куда-то испарялись. Бабка говорит, точно так старый герцог смотрел, когда ему что не по нраву было. А и верно, я видела фамильные портреты герцогского рода: эти холодные серо-зеленые глаза, считай, у каждого, и прищур одинаковый! Нынешнему герцогу, правда, ни взгляда отцовского, ни характера не досталось, а вот наследник его — вылитый дед. Может, и нехорошо так говорить, только многие ждут не дождутся, когда, наконец, он отцовское место займет: совсем тот сдал к старости, а все еще за власть цепляется, никак ее сыну уступить не хочет...

Я закончила уборку, села в кресло, думала вздремнуть до рассвета, но спать не хотелось. Какой уж тут сон, когда не знаешь, чего от завтрашнего утра ждать! И надо мне было этого алия к себе тащить?.. Но ведь все равно ничего другого не оставалось, что уж теперь казниться?

Так я и промаялась до утра, не зная, что предпринять. Пойти, может быть, к его светлости да и рассказать все как есть? Он, в отличие от отца, за голову хвататься и в панику впадать не станет, а что-нибудь дельное придумает, такое, чтобы и алиям обиды не вышло, и у нас беды не приключилось... Но этак я поступлю лишь в том случае, если самой не удастся с алием договориться. Впрочем, на это я мало надеялась: ну кто я такая, чтобы их великолепие со мной разговаривать стал, а тем более — договариваться? Служанка обыкновенная... (Тут я глянула в зеркало и взялась за гребень — не дело даже после бессонной ночи выглядеть растрепой, бабушкина наука.)

«Нет, герцогу лучше ничего не говорить, во всяком случае пока, — решила я, причесываясь. — А вдруг окажется, что это его рук дело или кого-то из придворных и обо всем он распрекрасно знает... То-то я влипну! А вот алию лучше рассказать, не то неизвестно, чем его еще попотчевать могут. Пусть уж остережется... Мое дело — предупредить, а если он слушать меня не станет — ну так кто ж ему враг?»

Стоило мне об этом подумать, как алий (будто мысли мои прочитал!) очнулся от мертвого сна, разлепил длиннющие ресницы и взглянул на меня вполне осмысленно.

Вот тут-то мне и стало понятно, отчего наши придворные прелестницы из кожи вон лезут, лишь бы обратить на себя внимание кого-нибудь из их великолепий. Что там лицо, что там локоны золотые-серебряные!..

Ох и глаза же у него были... Вчера-то мне некогда было разглядывать, а теперь...

Глаза у алия оказались не синие и не зеленые, не бирюзовые и не серые — говорят, морская вода такая, изменчивая, да я моря не видела, врать не стану, — очень темные, в тени и за черные бы сошли, и в то же время прозрачные... Словом, не бывает у людей таких глаз. Меня аж мороз по коже продрал.

— Где я? — спросил он совсем тихо. Видать было, в голове у него полная ясность наступила. Иначе и быть не могло, бабкины травки никогда не подводят. — Кто ты такая?

— Я старшая ключница этого замка, — негромко ответила я (голова у него с похмелья должна была болеть, вот я и поостереглась), — а вы, ваше великолепие, вчера пьяны были до такой степени, что в коридоре чуть не упали. Уж простите, до ваших покоев мне никак вас не дотащить было, а слуг я звать не стала, только шум лишний поднимать...

Я полагала, он быстро сообразит, что к чему, и начнет приказы сквозь зубы цедить, как алии это обычно делают, но он только задумался на минуту и спросил:

— В каком коридоре?

Вот тут меня оторопь взяла. И только сейчас я вспомнила вчерашнее свое удивление: в самом деле, что позабыл алий там, где я его подобрала?

Ответила я правду, потому что врать смысла не было:

— В том коридоре, что ведет в крыло, где слуги живут.

Тогда он огорошил меня еще больше, спросив:

— Я был один?

— Я никого больше не видела, — ответила я чистую правду, а сама подумала: то ли у него с головой не все в порядке, то ли тут затевается что-то нехорошее.

Он призадумался на минутку, потом словно бы что-то сообразил и задал очередной вопрос:

— Раз ты старшая ключница замка, стало быть, ты и есть Берта Трай?

Я чуть дара речи не лишилась, но все же совладала с собой и ответила:

— Никак нет, ваше великолепие, я ее внучка. Берта Трай умерла позапрошлой зимой.

Алий взглянул на меня, убедился, что я не шучу, и рассмеялся коротко и зло, словно говоря: «Ну и дурак же я!» Должно быть, его великолепие напрочь позабыл, что люди живут куда как поменьше алиев! Такое случалось, и не раз, и ладно бы со слугами — их и люди не запоминают, зачем? Но ведь и герцогов алийские послы распрекрасно путали с их предками! И поди знай, то ли случайно, то ли нарочно, чтобы подчеркнуть, насколько алии выше каких-то там недолговечных людишек... Ух, как герольды этого боялись и как костерили потом алиев, если удавалось вывернуться... а если не удавалось — так и втройне! Надо ведь было и этикет соблюсти, и дать понять его великолепию, послу алийскому, что тот самую чуточку ошибся, всего-то